

теста против необоснованных политических ограничений, реформирование образовательных программ и т.д.

Борьба с мизогинией должна базироваться не только на основе привлечения широкого общественного внимания к данной проблеме, на публичной трансляции популярных лозунгов, требующих реального равенства, но предполагает кардинальное преобразование общественных структур и межличностных отношений, создающих условия для воспроизведения практики мизогонии. Необходимы глубокие изменения в экономической и социальной сферах, в системе образования, при этом должны подвергнуться трансформации сами культурные ценности и нормы. Только тогда традиционные гендерные стереотипы и предрассудки окончательно уйдут в прошлое.

Мизогиния по-прежнему остаётся глобальной проблемой, особенно для населения стран третьего мира, но оптимальнее всего её решать в рамках концепции равенства прав и свобод мужчин и женщин. Иные концепции прав и свобод человека создают дополнительные трудности для решения этой проблемы. Вопрос остаётся открытым: готовы ли современные общества пересмотреть свои устоявшиеся представления и решительно преобразовывать общественные структуры в пользу гендерной солидарности и справедливости? Ответ зависит от каждого из нас.

-
1. Батлер Дж. Сила ненасилия: Сцепка этики и политики / пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. Е. Бондал, А. Павлова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 224 с.
  2. Бовуар С. де. Второй пол / пер. с фр. И. Малаховой, Е. Орловой, А. Сабашниковой. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 928 с.
  3. Бронте Э. Грозовой перевал / пер. с англ. И. Гурвой. – Москва: АСТ, 2018. — 320 с.
  4. Гюго В. Отверженные: роман / пер. с франц. Н. В. Ман. – Москва: Эксмо, 2017. – 960 с.
  5. Миллетт К. Сексуальная политика / пер. с англ. Н. М. Зотовой. – Москва: Прогресс, 1996. – 384 с.

УДК 332

ПРОБЛЕМА КОГНИТИВНОЙ РИГИДНОСТИ В ФИЛОСОФИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОГМАТИЧЕСКОГО И СКЕПТИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ К РАЦИОНАЛЬНОСТИ

А.Н. Карчевский, бакалавр

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

Аннотация. В работе исследуется когнитивная ригидность – устойчивость убеждений вопреки новым данным. Рассматриваются методы её преодоления через критический рационализм (Поппер): проверку убеждений, интеллектуальную скромность и выход из «информационных пузырей». Предложен альтернативный метод преодоления этого недуга.

Ключевые слова: когнитивная ригидность, критическое мышление, убеждения, рациональность, информационные пузыри.

THE PROBLEM OF COGNITIVE RIGIDITY IN PHILOSOPHY: COMPARATIVE ANALYSIS OF DOGMATIC AND SKEPTICAL APPROACHES TO RATIONALITY

Abstract. The study examines cognitive rigidity – the resistance to changing beliefs despite new evidence. It explores overcoming methods through critical rationalism (Popper): testing beliefs, intellectual humility, and escaping "information bubbles". Practical techniques for developing flexible thinking are proposed.

Keywords: cognitive rigidity, critical thinking, beliefs, rationality, information bubbles.

В современном мире, переполненном информацией и противоречивыми точками зрения, проблема когнитивной ригидности приобретает особую остроту. Мы наблюдаем парадоксальную си-

туацию: при небывалом доступе к знаниям и разнообразным источникам информации люди демонстрируют удивительную устойчивость к изменению своих убеждений. Это явление, известное в психологии и философии как когнитивная ригидность, проявляется в двух крайних формах: с одной стороны – в догматической приверженности устоявшимся представлениям, с другой – в тотальном скептицизме, отрицающем любые авторитеты и достоверность любого знания. Как отмечает социальный психолог Джонатан Хайдт в своей работе "The Righteous Mind", такая ригидность мышления стала одной из ключевых проблем современной культуры, приводящей к нарастающей поляризации общества [1]. Люди все чаще оказываются запертными в своеобразных "информационных коконах", где их взгляды только подтверждаются и усиливаются, не подвергаясь критической проверке. Это явление особенно опасно в условиях глобальных вызовов, когда от способности общества к рациональному диалогу и пересмотру устаревших представлений зависит решение важнейших проблем человечества.

Философская традиция предлагает глубокое осмысление этой проблемы, уходящее корнями в античность. Ещё Секст Эмпирик в III веке н.э. в своих "Пирроновых положениях" показал, что как слепая вера, так и абсолютное сомнение ведут к интеллектуальному тупику [2]. Он разработал концепцию "эпохэ" – воздержания от категорических суждений, которая, однако, в современной интерпретации часто искажается, превращаясь либо в догматизм, либо в разрушительный нигилизм. В наше время, когда социальные сети и алгоритмы персонализированного контента усиливают поляризацию мнений (феномен, подробно исследованный Кассом Санстейном в работе "#Republic" [3]), этот вопрос приобретает особую остроту. Мы сталкиваемся с ситуацией, когда технологический прогресс, призванный расширять наши познавательные возможности, на деле часто приводит к усилению когнитивной ригидности. Это создает серьезные вызовы для демократических институтов, научного прогресса и межличностных отношений.

Цель данной статьи – анализ воздействия догматической и скептической познавательных установок на процессы рационального познания. Для этого необходимо решить следующие задачи: Исследовать философские основания догматизма и скептицизма. Проанализировать их критические слабости. Рассмотреть альтернативные подходы. Показать актуальность проблемы в современном контексте.

Объект исследования – это когнитивная ригидность как психологический и философский феномен, проявляющийся в устойчивости убеждений и сопротивлении изменениям. Предмет – способы преодоления когнитивной ригидности через принципы критического рационализма (фальсифицируемость, открытость к проверке, интеллектуальная скромность), а также их применение в повседневной жизни обычных людей.

Античная философия заложила основы понимания когнитивной ригидности, предложив первые подходы к её преодолению. Платон в диалоге "Теэтет" через образ Сократа демонстрирует фундаментальный философский принцип: признание собственного незнания – первый и необходимый шаг к истинному знанию [4]. Знаменитое "Я знаю только то, что ничего не знаю" становится не просто философским тезисом, а методологическим инструментом преодоления когнитивной зашоренности. Сократический метод диалога, основанный на последовательном подвергании сомнению любых утверждений, представляет собой первую в истории попытку систематической борьбы с догматизмом мышления.

Аристотель в "Метафизике" развил эту мысль, показав опасность обеих крайностей – как догматизма, так и крайнего скептицизма [5]. Он отмечал, что познание требует определенной степени доверия к органам чувств и разуму, но при этом должно сохранять критическую дистанцию по отношению к любым, даже самым очевидным истинам. Концепция "золотой середины" Аристотеля применительно к познавательному процессу предполагает баланс между принятием и сомнением, между доверием к авторитетам и самостоятельным критическим анализом.

В Новое время Рене Декарт предложил метод радикального сомнения как способ преодоления когнитивной ригидности, накопленной за века схоластической традиции [6]. Его знаменитое "Cogito ergo sum" стало не просто философским высказыванием, а примером того идеального баланса между сомнением и уверенностью, который необходим для подлинно рационального мышления. Декарт показал, что даже в тотальном сомнении остается несомненный факт самого мышления, что создает прочное основание для построения системы знания. Однако, как позже показал Иммануил Кант в "Критике чистого разума", человеческое познание имеет свои непреодолимые

границы [7]. Попытки выйти за эти границы, характерные для метафизических систем, неизбежно ведут либо к догматизму (когда принимаются необоснованные утверждения), либо к скептицизму (когда отрицается сама возможность достоверного знания). Кантовская "коперниканская революция" в философии заключалась именно в осознании этих границ и выработке нового понимания рациональности, учитывающего как возможности, так и ограничения человеческого познания.

Догматическое мышление характеризуется некритическим принятием определённых положений в качестве абсолютных и неопровергимых истин. В науке это явление проявляется в сопротивлении новым парадигмам, что подробно исследовал Томас Кун в своей знаменитой работе "Структура научных революций" [8]. Он показал, что научные сообщества часто демонстрируют удивительную устойчивость к изменениям, цепляясь за устаревшие концепции даже при наличии убедительных доказательств их несостоятельности. Яркими примерами могут служить первоначальное неприятие теории Коперника, сопротивления эволюционной теории Дарвина или более современные случаи отрицания антропогенного характера климатических изменений. Кун ввел важное понятие "нормальной науки" – периода, когда ученые работают в рамках принятой парадигмы, решая "головоломки", а не подвергая сомнению сами основы своего подхода. Хотя такая деятельность необходима для накопления знаний, она создает почву для когнитивной ригидности, когда аномалии, не укладывающиеся в существующую парадигму, либо игнорируются, либо насищенно втискиваются в привычные схемы. Только когда таких аномалий накапливается критическое количество, происходит научная революция – смена парадигмы, которая, однако, снова со временем превращается в новый догматический каркас.

В обыденной жизни догматизм приводит к так называемому "эффекту обратного результата" (backfire effect), когда люди, сталкиваясь с фактами, противоречащими их убеждениям, не пересматривают свои взгляды, а, напротив, укрепляются в них [3]. Этот феномен особенно ярко проявляется в политических дискуссиях, религиозных спорах и других областях, где задействованы глубинные ценностные установки личности. Как показывают исследования, чем выше уровень образования человека, тем изощреннее он может быть в подборе аргументов, защищающих его убеждения от противоречащих фактов – парадокс, получивший название "мотивированного мышления".

Если догматизм представляет собой одну крайность когнитивной ригидности – слепую веру в непогрешимость определенных идей, то скептицизм представляет собой другую опасную крайность. Античные скептики, такие как Пиррон и Секст Эмпирик, предлагали воздержание от суждений (эпохэ) как путь к душевному равновесию и свободе от догм [2]. Однако их учение часто подвергалось упрощению и искажению. Подлинный античный скептицизм был не отрицанием возможности познания, а методом достижения интеллектуальной скромности и открытости. В современном мире скептицизм часто принимает искаженные формы. С одной стороны, мы наблюдаем рост научного нигилизма – отрицания научного консенсуса по различным вопросам, от вакцинации до изменения климата. С другой – распространение эпистемологического релятивизма, утверждающего, что "все истины равны" и "каждый имеет право на свою правду". Особенно тревожной формой современного скептицизма является вера в теории заговора, которые, как показывает Майкл Баркун, обладают своеобразной "иммунной системой" – любая попытка их опровергнуть интерпретируется как подтверждение заговора [9]. Как отмечает Хайдт, такой "избирательный скептицизм" особенно характерен для поляризованных обществ, где люди демонстрируют крайнюю критичность к информации, противоречащей их взглядам, и удивительную доверчивость к данным, которые эти взгляды подтверждают [1]. Это создает ситуацию, когда факты перестают быть общей основой для дискуссии, а общественное пространство дробится на изолированные "эпистемические пузыри", внутри которых формируются свои критерии истинности и достоверности.

Карл Поппер в своей концепции критического рационализма предложил продуктивную альтернативу обеим крайностям – и догматизму, и скептицизму [10]. Его подход основывается на нескольких ключевых принципах. Во-первых, это признание гипотетического характера любого знания – понимание того, что даже самые обоснованные теории являются не окончательными истинами, а временными конструкциями, которые могут быть пересмотрены в свете новых данных. Во-вторых, принцип фальсифицируемости – требование, чтобы научные теории допускали возможность своего опровержения через эмпирическую проверку. В-третьих, это установка на открытость к критике и готовность пересматривать свои убеждения под давлением веских аргументов и фак-

тов. Попперовская концепция "открытого общества" представляет собой политическое воплощение этих эпистемологических принципов. В таком обществе ни одна идея не обладает монополией на истину, а все социальные институты остаются открытыми для критики и улучшения. Это создает среду, в которой когнитивная ригидность систематически преодолевается через институционализированные механизмы критической проверки и пересмотра убеждений.

Как отмечает Санстейн, именно такой баланс между уверенностью и сомнением особенно важен в условиях информационной перегрузки [3]. Современные исследования когнитивной психологии предлагают конкретные методы развития этой способности, среди которых: практика интеллектуального смирения (осознание ограниченности собственного знания), развитие метакогнитивных навыков (способности размышлять о собственных мыслительных процессах) и формирование так называемого "ростового мышления" (вера в возможность развития и изменения своих способностей и взглядов).

Проведённый анализ позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, и догматизм, и крайний скептицизм представляют собой различные формы когнитивной ригидности, которые, несмотря на их внешние различия, одинаково препятствуют интеллектуальному развитию и адаптации к изменяющимся условиям. Во-вторых, критический рационализм в традиции Поппера предлагает продуктивный путь развития, позволяющий сохранить здоровый скептицизм, не впадая при этом ни в догматизм, ни в разрушительный нигилизм. В-третьих, в условиях цифровой эпохи и нарастающей информационной сложности мира эта проблема приобретает особую актуальность, выходя за рамки чисто философской дискуссии и становясь вопросом социального и даже политического значения.

Как отмечал Поппер, способность пересматривать свои убеждения под давлением фактов – важнейшее качество рационального мышления [10]. В современном мире, где технологии и социальные изменения развиваются с беспрецедентной скоростью, эта способность становится не просто интеллектуальной добродетелью, а необходимым условием выживания и развития как отдельных людей, так и общества в целом. Именно такой подход – сочетающий принципиальную открытость новому с систематической критической проверкой – позволяет избежать как интеллектуального застоя, так и разрушительного нигилизма, создавая основу для подлинного прогресса знания.

-
1. Haidt J. The Righteous Mind: Why Good People Are Divided by Politics and Religion. – N.Y.: Pantheon, 2012. – 419 p.
  2. Секст Эмпирик. Сочинения: В 2 т. – Москва: Мысль, 1976. – Т. 2. – 421 с.
  3. Sunstein C.R. #Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media. – Princeton: Princeton University Press, 2017. – 302 p.
  4. Платон. Собрание сочинений: В 4 т. – Москва: Мысль, 1990. – Т. 2. – 611 с.
  5. Аристотель. Сочинения: В 4 т. – Москва: Мысль, 1976. – Т. 1. – 550 с.
  6. Декарт Р. Сочинения: В 2 т. – Москва: Мысль, 1989. – Т. 2. – 560 с.
  7. Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 3. Критика чистого разума. — М.: Мысль, 1964. — 591 с.
  8. Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. – Chicago: University of Chicago Press, 1962. – 210 p.
  9. Barkun M. A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America. – Berkeley: University of California Press, 2013. – 256 p.
  10. Popper K.R. Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge. – L.: Routledge, 2002. – 582 p.

УДК 379

КОНЦЕПЦИЯ ВЛАСТИ И ПОНЯТИЕ «ВЛАСТЬ-ЗНАНИЕ» В ФИЛОСОФИИ МИШЕЛЯ ФУКО

Г.А. Кончаков, бакалавр

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

Аннотация. В данной статье анализируется проблема знания, как инструмента для контроля и манипуляции общества в условиях глобализации и развитию информационных технологий. Традиционные представления о власти часто сводятся к ее репрессивным функциям, игнорируя